

Народное творчество (Фольклор)

Русские сказки

«АСТ»

УДК 398.21 (=161.1)-053.2
ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

Народное творчество (Фольклор)

Русские сказки / Народное творчество (Фольклор) — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-093469-0

В сборник «Русские сказки» вошли лучшие русские народные сказки в пересказе К. Д. Ушинского, А. Н. Толстого, А. Н. Афанасьева, входящие в программу школьного чтения. Для младшего и среднего школьного возраста. В формате pdf А4 сохранен издательский дизайн.

УДК 398.21 (=161.1)-053.2

ББК 82.3(2Рос=Рус)-6

ISBN 978-5-17-093469-0

© Народное творчество (Фольклор)

© АСТ

Содержание

Иван-царевич и серый волк	6
Финист – ясный сокол	17
Царевна-лягушка	28
Белая уточка	35
Солнце, месяц и Ворон Воронович	41
Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Русские сказки

© Аникин В. П., пересказ, 2015

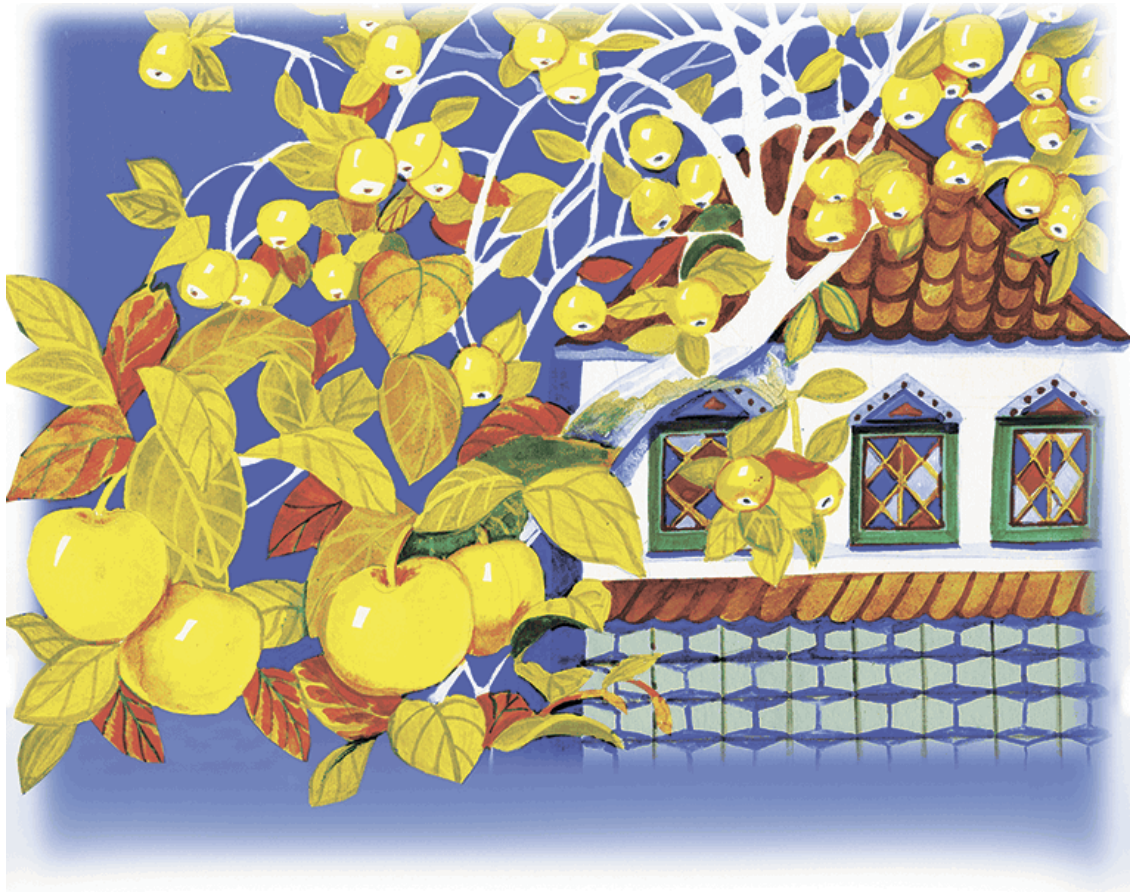
© Толстой А. Н., пересказ, насл., 2015

© Состав., оформление. ООО Издательство «Родничок», 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Иван-царевич и серый волк

Жил-был царь Берендей, у него было три сына, младшего звали Иваном. И был у царя сад великолепный; росла в том саду яблоня с золотыми яблоками. Стал кто-то царский сад посещать, золотые яблоки воровать. Царю жалко стало свой сад. Посылает он туда караулы. Никакие караулы не могут уследить. Царь перестал и пить и есть, затосковал. Сыновья отца утешают:

– Дорогой наш батюшка, не печалься, мы сами станем сад караулить.

Старший сын говорит:

– Сегодня моя очередь, пойду стеречь сад.

Отправился старший сын. Сколько ни ходил с вечеру, никого не уследил, припал на мягкую траву и уснул. Утром царь его спрашивает:

– Ну-ка, не обрадуешь ли меня: не видал ли ты похитника¹?

– Нет, родимый батюшка, всю ночь не спал, глаз не смыкал, а никого не видал.

¹ Похитник – похититель, вор (здесь и далее прим. ред.).

На другую ночь пошёл средний сын караулить и тоже проспал всю ночь, а наутро сказал, что не видал похитника.

Наступило время младшего брата идти стеречь. Пошёл Иван-царевич стеречь отцов сад и даже присесть боится, не то что прилечь. Как его сон задолит², он росой с травы умоеся, сон и прочь с глаз.

Половина ночи прошла, ему и чудится: в саду свет. Светлее и светлее. Весь сад осветило. Он видит – на яблоню села Жар-птица и клюёт золотые яблоки.

Иван-царевич тихонько подполз к яблоне и поймал птицу за хвост. Жар-птица встрепнулась и улетела, осталось у него в руке одно перо от её хвоста.

Наутро приходит Иван-царевич к отцу.

– Ну что, дорогой мой Ваня, не видал ли ты похитника?

– Дорогой батюшка, поймать не поймал, а проследил, кто наш сад разоряет. Вот от похитника память вам принёс. Это, батюшка, Жар-птица.

² Задолить (о сне) – осилить, сморить.

Царь взял это перо и с той поры стал пить, и есть, и печали не знать. Вот в одно прекрасное время ему и раздумалось об этой об Жар-птице.

Позвал он сыновей и говорит им:

– Дорогие мои дети, оседлали бы вы добрых коней, поехали бы по белу свету, места познавали, не напали бы где на Жар-птицу.

Дети отцу поклонились, оседлали добрых коней и отправились в путь-дорогу: старший в одну сторону, средний в другую, а Иван-царевич в третью сторону.

Ехал Иван-царевич долго ли, коротко ли. День был летний. Приустал Иван-царевич, слез с коня, спутал его, а сам свалился спать.

Много ли, мало ли времени прошло, пробудился Иван-царевич, видит – коня нет. Пошёл его искать, ходил, ходил и нашёл своего коня – одни кости обглоданные. Запечалился Иван-царевич: куда без коня идти в такую даль?

«Ну что же, – думает, – взялся – делать нечего». И пошёл пеший. Шёл, шёл, устал до смерти. Сел на мягкую траву и пригорюнился, сидит. Откуда ни возьмись бежит к нему серый волк:

– Что, Иван-царевич, сидишь пригорюнился, голову повесил?

– Как же мне не печалиться, серый волк? Остался я без доброго коня.

– Это я, Иван-царевич, твоего коня съел... Жалко мне тебя! Расскажи, зачем в даль поехал, куда путь держишь?

– Послал меня батюшка поехать по белу свету, найти Жар-птицу.

– Фу, фу, тебе на своём добром коне в три года не доехать до Жар-птицы. Я один знаю, где она живёт. Так и быть – коня твоего съел, буду тебе служить верой-правдой. Садись на меня да держись крепче.

Сел Иван-царевич на него верхом, серый волк и поскакал – синие леса мимо глаз пропускает, озёра хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до высокой крепости. Серый волк и говорит:

– Слушай меня, Иван-царевич, запоминай: полезай через стену, не бойся – час удачный, все сторожа спят. Увидишь в тереме окошко, на окошке стоит золотая клетка, а в клетке сидит Жар-птица. Ты птицу возьми, за пазуху положи, да смотри клетки не трогай!

Иван-царевич через стену перелез, увидел этот терем – на окошке стоит золотая клетка, в клетке сидит Жар-птица. Он птицу взял, за пазуху положил, да засмотрелся на клетку. Сердце его и разгорелось: «Ах, какая – золотая, драгоценная! Как такую не взять!» И забыл, что волк ему наказывал.

Только дотронулся до клетки, пошёл по крепости звук: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа пробудились, схватили Ивана-царевича и повели его к царю Афрону.

Царь Афрон разгневался и спрашивает:

– Чей ты, откуда?

– Я царя Берендея сын, Иван-царевич.

– Ай, срам какой! Царский сын да пошёл воровать.

– А что же, когда ваша птица летала, наш сад разоряла?

– А ты бы пришёл ко мне, по совести попросил, я бы её так отдал, из уважения к твоему родителю, царю Берендею. А теперь по всем городам пушу нехорошую славу про вас... Ну да ладно, сослужишь мне службу, я тебя прощу. В таком-то царстве у царя Кусмана есть конь златогривый. Приведи его ко мне, тогда отдам тебе Жар-птицу с клеткой.

Загорюнился Иван-царевич, идёт к серому волку. А волк ему:

– Я же тебе говорил, не шевели клетку! Почему не слушал мой наказ?

– Ну, прости же ты меня, прости, серый волк.

– То-то, прости... Ладно, садись на меня. Взялся за гуж, не говори, что не дюж.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем. Долго ли, коротко ли, добегают они до той крепости, где стоит конь златогривый.

– Полезай, Иван-царевич, через стену, сторожа спят, иди на конюшню, бери коня, да смотри уздечку не трогай!

Иван-царевич перелез в крепость, там все сторожа спят, зашёл на конюшню, поймал коня златогривого, да позарился на уздечку – она золотом, дорогими камнями убрана; в ней златогривому коню только и гулять.

Иван-царевич дотронулся до уздечки, пошёл звук по всей крепости: трубы затрубили, барабаны забили, сторожа проснулись, схватили Ивана-царевича и повели к царю Кусману.

– Чей ты, откуда?

– Я Иван-царевич.

– Эка, за какие глупости взялся – коня воровать! На это простой мужик не согласится. Ну ладно, прощу тебя, Иван-царевич, если сослужишь мне службу. У царя Далмата есть дочь Елена Прекрасная. Похить её, привези ко мне, подарю тебе златогривого коня с уздечкой.

Ещё пуще пригорюнился Иван-царевич, пошёл к серому волку.

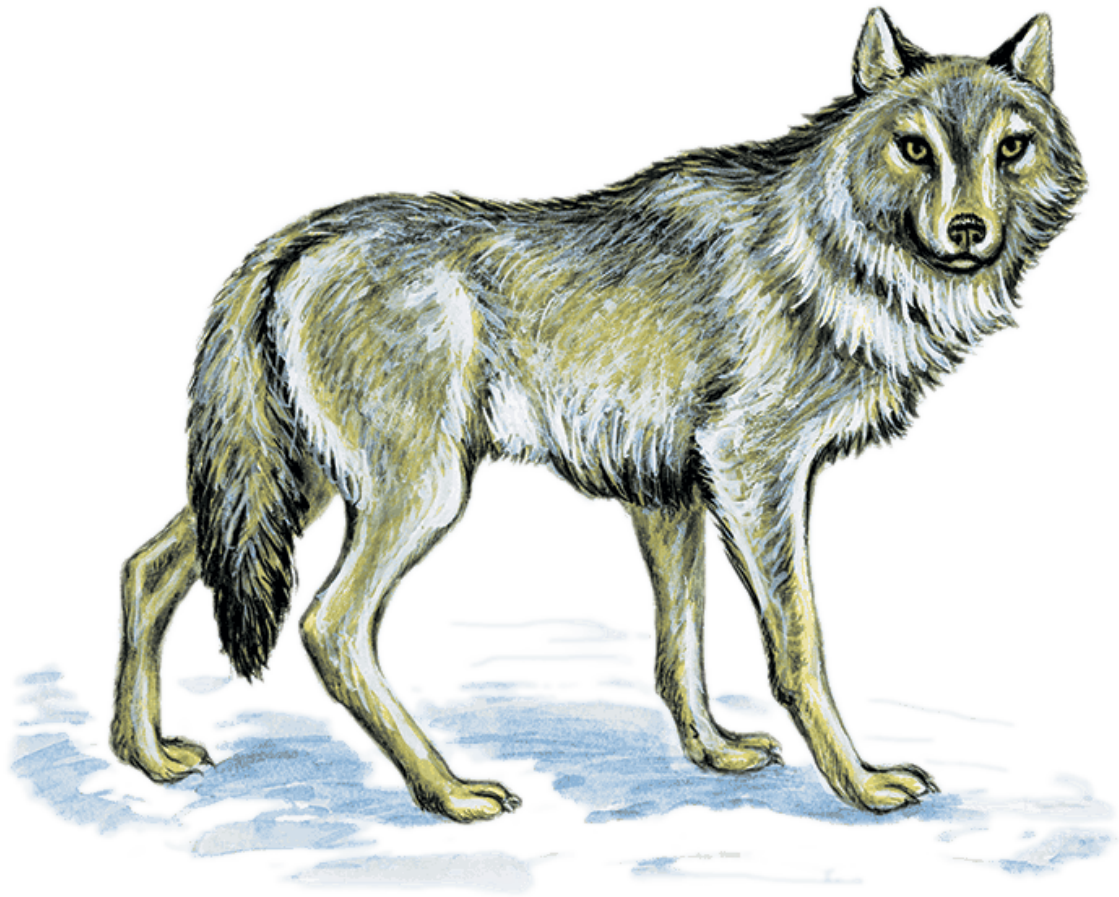
– Говорил я тебе, Иван-царевич, не трогай уздечку! Не послушал ты моего наказа.

– Ну прости же меня, прости, серый волк.

– То-то, прости... Да уж ладно, садись мне на спину.

Опять поскакал серый волк с Иваном-царевичем.

Добегают они до царя Далмата. У него в крепости в саду гуляет Елена Прекрасная с мамушками, нянюшками. Серый волк говорит:

– В этот раз я тебя не пущу, сам пойду. А ты ступай обратно путём-дорогой, я тебя скоро нагоню.

Иван-царевич пошёл обратно путём-дорогой, а серый волк перемахнул через стену – да в сад. Засел за куст и глядит: Елена Прекрасная вышла со своими мамушками, нянюшками. Гуляла, гуляла и только приотстала от мамушек и нянюшек, серый волк ухватил Елену Прекрасную, перекинул через спину – и наутёк.

Иван-царевич идёт путём-дорогой, вдруг настигает его серый волк, на нём сидит Елена Прекрасная. Обрадовался Иван-царевич, а серый волк ему:

– Садись на меня скорей, как бы за нами погони не было.

Помчался серый волк с Иваном-царевичем, с Еленой Прекрасной обратной дорогой – синие леса мимо глаз пропускает, реки, озёра хвостом замечает. Долго ли, коротко ли, добегают они до царя Кусмана. Серый волк спрашивает:

– Что, Иван-царевич, приумолк, пригорюнился?

– Да как же мне, серый волк, не печалиться? Как расстанусь с такой красотой? Как Елену Прекрасную на коня буду менять?

Серый волк отвечает:

– Не разлучу я тебя с такой красотой – спрячем её где-нибудь, а я обернусь Еленой Прекрасной, ты и веди меня к царю.

Тут они Елену Прекрасную спрятали в лесной избушке. Серый волк перевернулся через голову и сделался точь-в-точь Еленой Прекрасной. Повёл его Иван-царевич к царю Кусману. Царь обрадовался, стал его благодарить:

– Спасибо тебе, Иван-царевич, что достал мне невесту. Получай златогривого коня с уздечкой.

Иван-царевич сел на коня и поехал за Еленой Прекрасной. Взял её, посадил на коня, и едут они путём-дорогой.

А царь Кусман устроил свадьбу, пировал весь день до вечера, а как надо было спать ложиться, отвёл он Елену Прекрасную в спальню, да только лёг с ней на кровать, глядит – волчья морда вместо молодой жены! Царь со страху свалился с кровати, а волк удрал прочь.

Нагоняет серый волк Ивана-царевича и спрашивает:

– О чём задумался, Иван-царевич?

– Как же мне не думать? Жалко расставаться с таким сокровищем – конём златогривым, менять его на Жар-птицу.

– Не печалься, я тебе помогу.

Вот доезжают они до царя Афрона. Волк и говорит:

– Этого коня и Елену Прекрасную ты спрячь, а я обернусь конём златогривым, ты меня и веди к царю Афрону.

Спрятали они Елену Прекрасную и златогривого коня в лесу. Серый волк перекинулся через спину, обернулся златогривым конём. Иван-царевич повёл его к царю Афрону. Царь обрадовался и отдал ему Жар-птицу с золотой клеткой.

Иван-царевич вернулся пеший в лес, посадил Елену Прекрасную на златогривого коня, взял золотую клетку с Жар-птицей и поехал путём-дорогой в родную сторону.

А царь Афрон велел подвести к себе дарёного коня и только хотел сесть на него – конь обернулся серым волком. Царь со страху где стоял, там и упал, а серый волк пустился наутёк и скоро догнал Ивана-царевича.

– Теперь прощай, мне дальше идти нельзя.

Иван-царевич слез с коня и три раза поклонился до земли, с уважением отблагодарил серого волка. А тот говорит:

– Не навек прощайся со мной, я ещё тебе пригожусь.

Иван-царевич думает: «Куда же ты ещё пригодишься? Все желанья мои исполнены». Сел на златогривого коня, и опять поехали они с Еленой Прекрасной, с Жар-птицей. Доехали они до своих краёв, вздумалось ему пополдневать. Было у него с собой немного хлебушка. Ну, они поели, ключевой воды попили и легли отдыхать.

Только Иван-царевич заснул, наезжают на него его братья. Ездили они по другим землям, искали Жар-птицу, вернулись с пустыми руками. Наехали и видят – у Ивана-царевича всё добыто. Вот они и сговорились:

– Давай убьём брата, добыча вся будет наша.

Решились и убили Ивана-царевича. Сели на златогривого коня, взяли Жар-птицу, посадили на коня Елену Прекрасную и устроили её:

– Дома не рассказывай ничего!

Лежит Иван-царевич мёртвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись прибежал серый волк и схватил ворона с воронёнком.

– Ты лети-ка, ворон, за живой и мёртвой водой. Принесёшь мне живой и мёртвой воды, тогда отпущу твоего воронёнка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его воронёнка. Долго ли ворон летал, коротко ли, принёс он живой и мёртвой воды. Серый волк спрыснул мёртвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; спрыснул его живой водой – Иван-царевич ожил.

– Ох, крепко же я спал!..

– Крепко ты спал, – говорит серый волк. – Кабы не я, совсем бы не проснулся. Родные братья тебя убили и всю добычу твою увезли. Садись на меня скорей!

Поскакали они в погоню и настигли обоих братьев. Тут их серый волк растерзал и клочки по полю разметал.

Иван-царевич поклонился серому волку и простился с ним навечно.

Вернулся Иван-царевич домой на коне златогривом, привёз отцу своему Жар-птицу, а себе – невесту, Елену Прекрасную.

Царь Берендей обрадовался, стал сына спрашивать. Стал Иван-царевич рассказывать, как помог ему серый волк достать добычу, да как братья убили его сонного, да как серый волк их растерзал.

Погоревал царь Берендей и скоро утешился. А Иван-царевич женился на Елене Прекрасной, и стали они жить-поживать да горя не знать.

Финист – ясный сокол

Жил да был крестьянин. Умерла у него жена, осталось три дочки. Хотел старик нанять работницу – в хозяйстве помогать. Но меньшая дочь, Марьюшка, сказала:

– Не надо, батюшка, нанимать работницу, сама я буду хозяйство вести.

Ладно. Стала дочка Марьюшка хозяйство вести. Всё-то она умеет, всё-то у неё ладится. Любил отец Марьюшку: рад был, что такая умная да работающая дочка растёт.

Из себя-то Марьюшка красавица писаная. А сестры её завидущие да жаднющие; из себя-то они некрасивые, а модницы-перемодницы – весь день сидят да белятся, да румянятся, да в обновки наряжаются, платье им – не платье, сапожки – не сапожки, платок – не платок.

Поехал отец на базар и спрашивает дочек:

– Что вам, дочки, купить, чем порадовать?

И говорят старшая и средняя дочки:

– Купи по полушалку, да такому, чтоб цветы покрупнее, золотом расписанные.

А Марьюшка стоит да молчит. Спрашивает её отец:

– А что тебе, доченька, купить?

– Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста – ясна сокола.

Приезжает отец, привозит дочкам полушалки, а пёрышка не нашёл.

Поехал отец в другой раз на базар.

– Ну, – говорит, – дочки, заказывайте подарки.

Обрадовались старшая и средняя дочери:

– Купи нам по сапожкам с серебряными подковками.

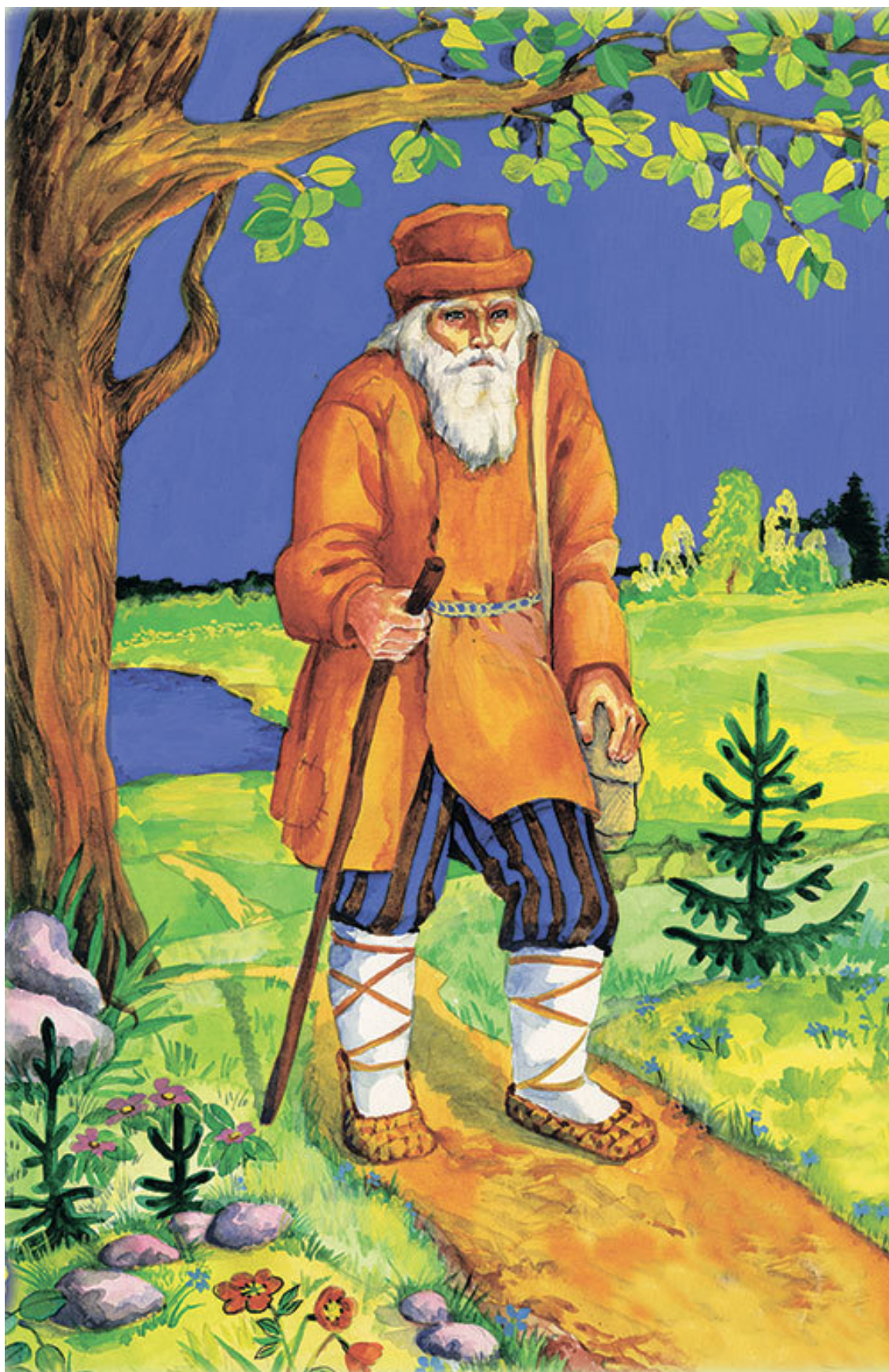
А Марьюшка опять заказывает:

– Купи мне, батюшка, пёрышко Финиста – ясна сокола.

Ходил отец весь день, сапожки купил, а пёрышка не нашёл. Приехал без пёрышка.

Ладно. Поехал старик в третий раз на базар, а старшая и средняя дочери говорят:

– Купи нам по платью.

А Марьюшка опять просит:
– Батюшка, купи пёрышко Финиста – ясна сокола.

Ходил отец весь день, а пёрышка не нашёл. Выехал из города, а навстречу старенький старичок.

– Здорово, дедушка!

– Здравствуй, милый! Куда путь-дорогу держишь?

– К себе, дедушка, в деревню. Да вот горе у меня: меньшая дочка наказывала купить пёрышко Финиста – ясна сокола, а я не нашёл.

– Есть у меня такое пёрышко, да оно заветное; но для доброго человека, куда ни шло, отдам.

Вынул дедушка пёрышко и подаёт, а оно самое обыкновенное. Едет крестьянин и думает: «Что в нём Марьюшка нашла хорошего?»

Привёз старик подарки дочкам; старшая и средняя наряжаются да над Марьюшкой смеются:

– Как была ты дурочка, так и есть. Нацепи своё пёрышко в волосы да красуйся!

Промолчала Марьюшка, отошла в сторону; а когда все спать легли, бросила Марьюшка пёрышко на пол и проговорила:

– Любезный Финист – ясный сокол, явись ко мне, жданный мой жених!

И явился ей молодец красоты неописанной. К утру молодец ударился об пол и сделался соколом. Отворила ему Марьюшка окно, и улетел сокол к синему небу.

Три дня Марьюшка привечала к себе молодца; днём он летает соколом по синему поднебесью, а к ночи прилетает к Марьюшке и делается добрым молодцем.

На четвёртый день сёстры злые заметили – наговорили отцу на сестру.

– Милые дочери, – говорит отец, – смотрите лучше за собой.

«Ладно, – думают сёстры, – посмотрим, как будет дальше».

Натыкали они в раму острых ножей, а сами притаились, смотрят.

Вот летит ясный сокол. Долетел до окна и не может попасть в комнату Марьюшки. Бился бился, всю грудь изрезал, а Марьюшка спит и не слышит. И сказал тогда сокол:

– Кому я нужен, тот меня найдёт. Но это будет нелегко. Тогда меня найдёшь, когда трое башмаков железных износишь, трое посохов железных изломаешь, трое колпаков железных порвёшь.

Услышала это Марьюшка, вскочила с кровати, посмотрела в окно, а сокола нет, и только кровавый след на окне остался. Заплакала Марьюшка горькими слезами – смыла слёзками кровавый след и стала ещё краше.

Пошла она к отцу и проговорила:

– Не брани меня, батюшка, отпусти в путь-дорогу дальнюю. Жива буду – свидимся, умру – так, знать, на роду написано.

Жалко было отцу отпускать любимую дочку, но отпустил.

Заказала Марьюшка трое башмаков железных, трое посохов железных, трое колпаков железных и отправилась в путь-дорогу дальнюю, искать желанного Финиста – ясна сокола. Шла она чистым полем, шла тёмным лесом, высокими горами. Птички весёлыми песнями ей сердце радовали, ручейки лицо белое умывали, леса тёмные привечали. И никто не мог Марьюшку тронуть: волки серые, медведи, лисицы – все звери к ней сбегались. Износила она башмаки железные, посох железный изломала и колпак железный порвала.

И вот выходит Марьюшка на поляну и видит: стоит избушка на курьих ножках – вертится. Говорит Марьюшка:

– Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга – костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

– Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь³?

– Ищу, бабушка, Финиста – ясна сокола.

– О красавица, долго тебе искать! Твой ясный сокол за тридевять земель, в тридевятом государстве. Опоила его зельем царица-волшебница и женила на себе. Но я тебе помогу. Вот тебе серебряное блюдечко и золотое яичко. Когда придёшь в тридевятое царство, наймись работницей к царице. Покончишь работу – бери блюдечко, клади золотое яичко, само будет кататься. Станут покупать – не продавай. Просись Финиста – ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. Потемнел лес, страшно стало Марьюшке, боится и шагнуть, а навстречу кот. Прыгнул к Марьюшке и замурлыкал:

– Не бойся, Марьюшка, иди вперёд. Будет ещё страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся.

Потёрся кот спинкой и был таков, а Марьюшка пошла дальше. А лес стал ещё темней. Шла, шла Марьюшка, сапоги железные износила, посох поломала, колпак порвала и пришла к избушке на курьих ножках. Вокруг тын, на кольях черепа, и каждый череп огнём горит.

Говорит Марьюшка:

– Избушка, избушка, встань к лесу задом, ко мне передом! Мне в тебя лезть, хлеба есть.

Повернулась избушка к лесу задом, к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит там баба-яга – костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

– Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

– Ищу, бабушка, Финиста – ясна сокола.

³ Лытáть – уклоняться от дела, празднично проводить время.

- А у моей сестры была?
- Была, бабушка.

– Ладно, красавица, помогу тебе. Бери серебряные пальцы, золотую иголочку. Иголочка сама будет вышивать серебром и золотом по малиновому бархату. Будут покупать – не продавай. Просись Финиста – ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла. А в лесу стук, гром, свист, черепа лес освещают. Страшно стало Марьюшке. Глядь, собака бежит:

– Ав, ав, Марьюшка, не бойся, родная, иди! Будет ещё страшнее, не оглядывайся.

Сказала и была такова. Пошла Марьюшка, а лес стал ещё темнее. За ноги её цепляет, за рукава хватает... Идёт Марьюшка, идёт, назад не оглянется.

Долго ли, коротко ли шла – башмаки железные износила, посох железный поломала, колпак железный порвала. Вышла на полянку, а на полянке избушка на курьих ножках, вокруг тын, а на кольях лошадиные черепа; каждый череп огнём горит...

Говорит Марьюшка:

– Избушка, избушка, встань к лесу задом, а ко мне передом!

Повернулась избушка к лесу задом, а к Марьюшке передом. Зашла Марьюшка в избушку и видит: сидит баба-яга – костяная нога, ноги из угла в угол, губы на грядке, а нос к потолку прирос. Сама чёрная, а во рту один клык торчит.

Увидела баба-яга Марьюшку, зашумела:

– Тьфу, тьфу, русским духом пахнет! Красная девушка, дело пытаешь аль от дела лытаешь?

– Ищу, бабушка, Финиста – ясна сокола.

– Трудно, красавица, тебе будет его отыскать, да я помогу. Вот тебе серебряное донце, золотое веретёнце. Бери в руки, само прясть будет, потянется нитка не простая, а золотая.

– Спасибо тебе, бабушка.

– Ладно, спасибо после скажешь, а теперь слушай, что тебе накажу: будут золотое веретёнце покупать – не продавай, а просись Финиста – ясна сокола повидать.

Поблагодарила Марьюшка бабу-ягу и пошла, а лес зашумел, загудел; поднялся свист, совы закружились, мыши из нор повывлезли – да все на Марьюшку. И видит Марьюшка – бежит навстречу серый волк.

– Не горюй, – говорит он, – а садись на меня и не оглядывайся.

Села Марьюшка на серого волка, и только её и видели. Впереди степи широкие, луга бархатные, реки медовые, берега кисельные, горы в облака упираются. А Марьюшка скачет и скачет. И вот перед Марьюшкой хрустальный терем. Крыльцо резное, оконца узорчатые, а в оконце царица глядит.

– Ну, – говорит волк, – слезай, Марьюшка, иди и нанимайся в прислуги.

Слезла Марьюшка, узелок взяла, поблагодарила волка и пошла к хрустальному дворцу. Поклонилась Марьюшка царице и говорит:

– Не знаю, как вас звать, как величать, а не нужна ли вам будет работница?

Отвечает царица:

– Давно я ищу работницу, но такую, которая могла бы прясть, ткать, вышивать.

– Всё это я могу делать.

– Тогда проходи и садись за работу.

И стала Марьюшка работницей. День работает, а наступит ночь – возьмёт Марьюшка серебряное блюдечко и золотое яичко и скажет:

– Катись, катись, золотое яичко, по серебряному блюдечку, покажи мне моего милого.

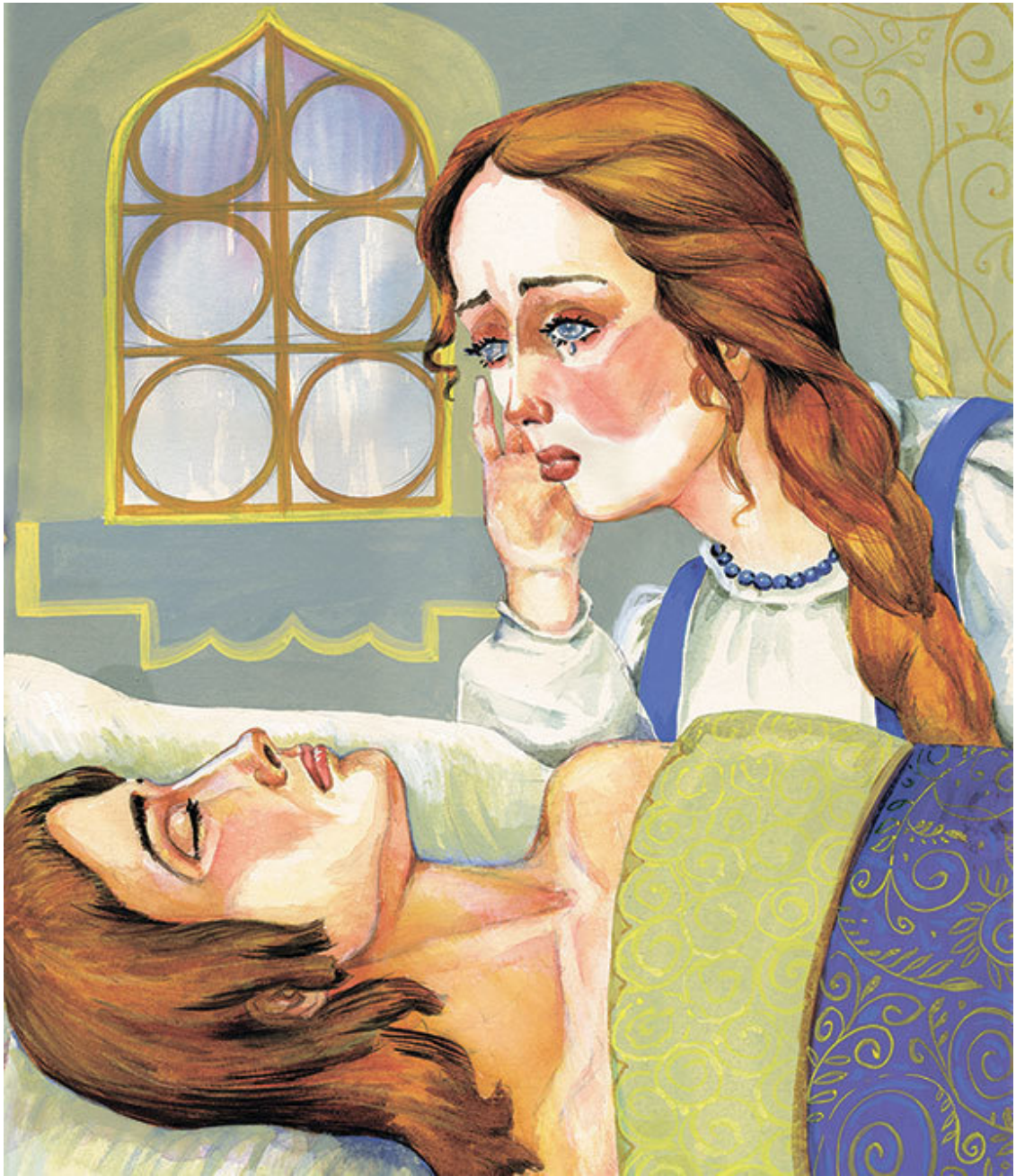
Покатится яичко по серебряному блюдечку, и предстанет Финист – ясный сокол. Смотрит на него Марьюшка и слезами заливается:

– Финист мой, Финист – ясный сокол, зачем ты меня оставил одну, горькую, о тебе плакать!

Подслушала царица её слова и говорит:

– Продай ты мне, Марьюшка, серебряное блюдечко и золотое яичко.

– Нет, – говорит Марьюшка, – они непродажные. Могу я тебе их отдать, если позволишь на Финиста – ясна сокола поглядеть.

Подумала царица, подумала.

– Ладно, – говорит, – так и быть. Ночью, как он уснёт, я тебе его покажу.

Наступила ночь, и идёт Марьюшка в спальню к Финисту – ясну соколу. Видит она – спит её сердечный друг сном непробудным. Смотрит Марьюшка – не насмотрится, целует в уста сахарные, прижимает к груди белой, – спит, не пробудится сердечный друг.

Наступило утро, а Марьюшка не добудилась милого.

Целый день работала Марьюшка, а вечером взяла серебряные пальцы да золотую иголку. Сидит вышивает, сама приговаривает:

– Вышивайся, вышивайся, узор, для Финиста – ясна сокола. Было бы чем ему по утрам вытираться.

Подслушала царица и говорит:

– Продай, Марьюшка, серебряные пяльцы, золотую иголочку.

– Я не продам, – говорит Марьюшка, – а так отдам, разреши только с Финистом – ясным соколом свидеться.

Подумала та, подумала.

– Ладно, – говорит, – так и быть, приходи ночью.

Наступает ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту – ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

– Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист – ясный сокол крепким сном. Будила его Марьюшка – не добудилась.

Наступает день. Сидит Марьюшка за работой, берёт в руки серебряное донце, золотое веретёнце. А царица увидела: продай да продай!

– Продать не продам, а могу и так отдать, если позволишь с Финистом – ясным соколом хоть часок побыть.

– Ладно, – говорит та.

А сама думает: «Всё равно не разбудит».

Настала ночь. Входит Марьюшка в спальню к Финисту – ясну соколу, а тот спит сном непробудным.

– Финист ты мой, ясный сокол, встань, пробудись!

Спит Финист, не просыпается.

Будила, будила – никак не может добудиться, а рассвет близко.

Заплакала Марьюшка:

– Любезный ты мой Финист – ясный сокол, встань, пробудись, на Марьюшку свою погляди, к сердцу своему её прижми!

Упала Марьюшкина слеза на голое плечо Финиста – ясна сокола и обожгла.

Очнулся Финист – ясный сокол, осмотрелся и видит Марьюшку.

Обнял её, поцеловал:

– Неужели это ты, Марьюшка? Трое башмаков износила, трое посохов железных изломала, трое колпаков железных поистрепала и меня нашла! Поедем же теперь на родину.

Стали они домой собираться, а царица увидела и приказала в трубы трубить, об измене своего мужа оповестить.

Собрались князья да купцы, стали совет держать, как Финиста – ясна сокола наказать.

Тогда Финист – ясный сокол говорит:

– Которая, по-вашему, настоящая жена: та ли, что крепко любит, или та, что продаёт да обманывает?

Согласились все, что жена Финиста – ясна сокола – Марьюшка.

И стали они жить-поживать да добра наживать. Поехали в своё государство, пир собрали, в трубы затрубили, в пушки запалили, и был пир такой, что и теперь помнят.

Царевна-лягушка

В старые годы у одного царя было три сына. Вот, когда сыновья стали на возрасте, царь собрал их и говорит:

– Сынки мои любезные, покуда я ещё не стар, мне охота бы вас женить, посмотреть на ваших деточек, на моих внучат.

Сыновья отцу отвечают:

– Так что ж, батюшка, благослови. На ком тебе желательно нас женить?

– Вот что, сынки, возьмите по стреле, выходите в чистое поле и стреляйте: куда стрелы упадут, там и судьба ваша.

Сыновья поклонились отцу, взяли по стреле, вышли в чистое поле, натянули луки и выстрелили. У старшего сына стрела упала на боярский двор, подняла стрелу боярская дочь. У среднего сына упала стрела на широкий купеческий двор, подняла её купеческая дочь.

А у младшего сына, Ивана-царевича, стрела поднялась и улетела, сам не знает куда. Вот он шёл, шёл, дошёл до болота, видит – сидит лягушка, подхватила его стрелу. Иван-царевич говорит ей:

– Лягушка, лягушка, отдай мою стрелу.

А лягушка ему отвечает:

– Возьми меня замуж!

– Что ты, как я возьму себе в жёны лягушку?

– Бери, знать, судьба твоя такая.

Закручинился Иван-царевич. Делать нечего, взял лягушку, принёс домой. Царь сыграл три свадьбы: старшего сына женил на боярской дочери, среднего – на купеческой, а Ивана-царевича – на лягушке.

Вот царь позвал сыновей:

– Хочу узнать, которая из ваших жён лучшая рукодельница. Пускай сошьют мне к завтраму по рубашке.

Сыновья поклонились отцу и пошли.

Иван-царевич приходит домой, сел и голову повесил. Лягушка по полу скачет, спрашивает его:

– Что, Иван-царевич, голову повесил? Или горе какое?

– Батюшка велел тебе к завтраму рубашку ему сшить.

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, ложись лучше спать, утро вечера мудренее.

Иван-царевич лёг спать, а лягушка прыгнула на крыльцо, сбросила с себя лягушечью кожу и обернулась Василисой Премудрой, такой красавицей, что и в сказке не расскажешь. Василиса Премудрая ударила в ладоши и крикнула:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Сшейте мне к утру такую рубашку, какую видела я у моего родного батюшки.

Иван-царевич утром проснулся, лягушка опять по полу скачет, а уж рубашка лежит на столе, завёрнута в полотенце.

Обрадовался Иван-царевич, взял рубашку, понёс к отцу. Царь в это время принимал дары от больших сыновей. Старший сын развернул рубашку, царь принял её и сказал:

– Эту рубашку в чёрной избе носить.

Средний сын развернул рубашку, царь сказал:

– В ней только в баню ходить.

Иван-царевич развернул рубашку, изукрашенную золотом-серебром, хитрыми узорами. Царь только взглянул:

– Ну, вот это рубашка – в праздник её надевать.

Пошли братья по домам – те двое – и судят между собой:

– Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича: она не лягушка, а какая-нибудь хитра...

Царь опять позвал сыновей:

– Пускай ваши жёны испекут мне к завтраму хлеб. Хочу узнать, которая лучше стряпает.

Иван-царевич голову повесил, пришёл домой. Лягушка его спрашивает:

– Что закручинился?

Он отвечает:

– Надо к завтраму испечь царю хлеб.

– Не тужи, Иван-царевич, лучше ложись спать, утро вечера мудренее.

А те невестки сперва-то смеялись над лягушкой, а теперь послали одну бабушку-задворенку посмотреть, как лягушка будет печь хлеб. Лягушка хитра, она это смекнула. Замесила квашню, печь сверху разломала да прямо туда, в дыру, всю квашню и опрокинула. Бабушка-задворенка прибежала к царским невесткам, всё рассказала, и те так же стали делать. А лягушка прыгнула на крыльцо, обернулась Василисой Премудрой, ударила в ладоши:

– Мамки, няньки, собирайтесь, снаряжайтесь! Испеките мне к утру мягкий белый хлеб, какой я у моего родного батюшки ела.

Иван-царевич утром проснулся, а уж на столе лежит хлеб, изукрашен разными хитростями: по бокам узоры печатные, сверху города с заставами.

Иван-царевич обрадовался, завернул хлеб в ширинку⁴, понёс к отцу. А царь в то время принимал хлебы от больших сыновей. Их жёны-то попускали тесто в печь, как им бабушка-задворенка сказала, и вышла у них одна горелая грязь. Царь принял хлеб от старшего сына,

⁴ Ширинка – полотенце, платок.

посмотрел и отослал в людскую. Принял от среднего сына и туда же отослал. А как подал Иван-царевич, царь сказал:

– Вот это хлеб, только в праздник его есть.

И приказал царь трём своим сыновьям, чтобы завтра явились к нему на пир вместе с жёнами.

Опять воротился Иван-царевич домой невесел, ниже плеч голову повесил. Лягушка по полу скачет:

– Ква, ква, Иван-царевич, что закручинился? Или услышал от бабушки слово не приветливое?

– Лягушка, лягушка, как мне не горевать? Бабушка наказал, чтобы я пришёл с тобой на пир, а как я тебя людям покажу?

Лягушка отвечает:

– Не тужи, Иван-царевич, иди на пир один, а я вслед за тобой буду. Как услышишь стук да гром, не пугайся. Спросят тебя, скажи: «Это моя лягушонка в коробчонке едет».

Иван-царевич и пошёл один. Вот старшие братья приехали с жёнами, разодетыми, разубранными, нарумяненными, насурьмлёнными. Стоят да над Иваном-царевичем смеются:

– Что же ты без жены пришёл? Хоть бы в платочке её принёс. Где ты такую красавицу выискал? Чай, все болота исходил.

Царь с сыновьями, с невестками, с гостями сели за столы дубовые, за скатерти браные – пировать.

Вдруг поднялся стук да гром, весь дворец затрясся. Гости напугались, повскакали с мест, а Иван-царевич говорит:

– Не бойтесь, честные гости: это моя лягушонка в коробчонке приехала.

Подлетела к царскому крыльцу золочёная карета о шести белых лошадях, и выходит оттуда Василиса Премудрая: на лазоревом платье – частые звёзды, на голове – месяц ясный, такая красавица – ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать. Берёт она Ивана-царевича за руку и ведёт за столы дубовые, за скатерти браные.

Стали гости есть, пить, веселиться. Василиса Премудрая испила из стакана да последки себе за левый рукав вылила. Закусила лебедем да косточки за правый рукав бросила. Жёны больших царевичей увидели её хитрости и давай то же делать. Попили, поели, настал черёд плясать. Василиса Премудрая подхватила Ивана-царевича и пошла. Уж она плясала, плясала,

вертелась, вертелась – всем на диво. Махнула левым рукавом – вдруг сделалось озеро, махнула правым рукавом – поплыли по озеру белые лебеди. Царь и гости диву дались.

А старшие невестки пошли плясать: махнули рукавом – только гостей забрызгали, махнули другим – только кости разлетелись, одна кость царю в глаз попала. Царь рассердился и прогнал обеих невесток.

В ту пору Иван-царевич отлучился потихоньку, побежал домой, нашёл там лягушечью кожу и бросил её в печь, сжёг на огне.

Василиса Премудрая возвращается домой, хватилась – нет лягушечьей кожи. Села она на лавку, запечалилась, приуныла и говорит Ивану-царевичу:

– Ах, Иван-царевич, что же ты наделал! Если бы ты ещё только три дня подождал, я бы вечно твоей была. А теперь прощай. Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, у Кощея Бессмертного...

Обернулась Василиса Премудрая серой кукушкой и улетела в окно. Иван-царевич заплакал, поплакал, поклонился на четыре стороны и пошёл куда глаза глядят – искать жену, Василису Премудрую. Шёл он близко ли, далёко ли, долго ли, коротко ли, сапоги пронёсил, кафтан истёр, шапчонку дождик иссёк. Попадается ему навстречу старый старичок:

– Здравствуй, добрый молодец! Что ищешь, куда путь держишь?

Иван-царевич рассказал ему про своё несчастье. Старый старичок говорит ему:

– Эх, Иван-царевич, зачем ты лягушечью кожу спалил? Не ты её надел, не тебе её было снимать. Василиса Премудрая хитрей, мудреней своего отца уродилась. Он за то осерчал на неё и велел ей три года быть лягушкой. Ну, делать нечего, вот тебе клубок: куда он покатится, туда и ты ступай за ним смело.

Иван-царевич поблагодарил старого старичка и пошёл за клубочком. Клубок катится, он за ним идёт. В чистом поле попадается ему медведь. Иван-царевич нацелился, хочет убить зверя. А медведь говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, когда-нибудь тебе пригожусь.

Иван-царевич пожалел медведя, не стал его стрелять, пошёл дальше.

Глядь, летит над ним селезень.

Он нацелился, а селезень говорит ему человеческим голосом:

– Не бей меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Он пожалел селезня и пошёл дальше. Бежит косою заяц. Иван-царевич опять спохватился, хочет в него стрелять, а заяц говорит человеческим голосом:

– Не убивай меня, Иван-царевич, я тебе пригожусь.

Пожалел он зайца, пошёл дальше. Подходит к синему морю и видит – на берегу, на песке, лежит щука, едва дышит и говорит ему:

– Ах, Иван-царевич, пожалей меня, брось в синее море!

Он бросил щуку в море, пошёл дальше берегом. Долго ли, коротко ли, прикатился клубочек к лесу.

Там стоит избушка на курьих ножках, кругом себя поворачивается.

– Избушка, избушка, стань по-старому, как мать поставила: к лесу задом, ко мне передом.

Избушка повернулась к нему передом, к лесу задом. Иван-царевич взошёл в неё и видит: на печи лежит Баба-яга, костяная нога, зубы – на полке, а нос в потолок врос.

– Зачем, добрый молодец, ко мне пожаловал? – говорит ему Баба-яга. – Дело пытаешь или от дела лытаешь?

Иван-царевич ей отвечает:

– Ах ты, старая хрычовка, ты бы меня прежде напоила, накормила, в бане выпарила, тогда бы и спрашивала.

Баба-яга его в бане выпарила, напоила, накормила, в постель уложила, и Иван-царевич рассказал ей, что ищет свою жену, Василису Премудрую.

– Знаю, знаю, – говорит ему Баба-яга, – твоя жена теперь у Кошеля Бессмертного. Трудно её будет достать, нелегко с Кошеем сладить: его смерть на конце иглы, та игла в яйце, яйцо в утке, утка в зайце, тот заяц сидит в каменном сундуке, а сундук стоит на высоком дубу, и тот дуб Кошей Бессмертный как свой глаз бережёт.

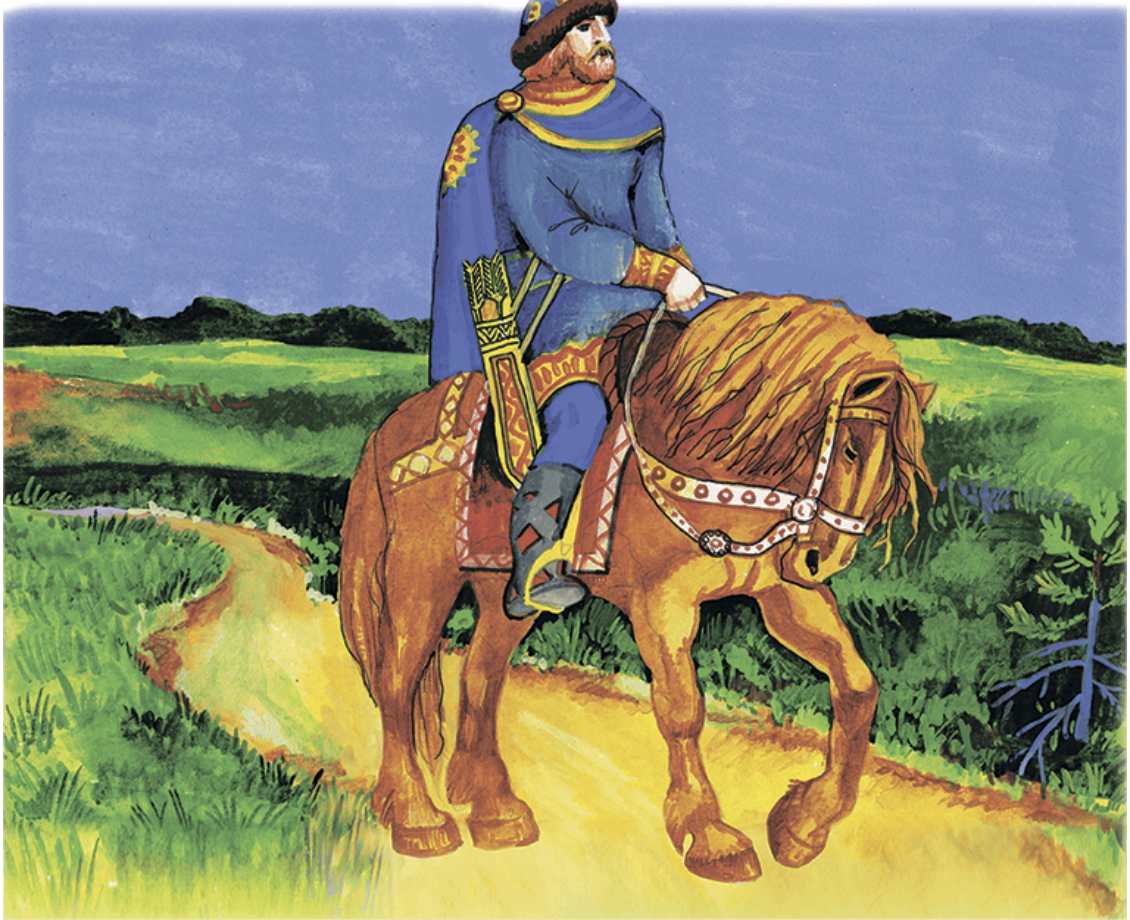
Иван-царевич у Бабы-яги переночевал, и наутро она ему указала, где растёт высокий дуб. Долго ли, коротко ли, дошёл туда Иван-царевич, видит – стоит, шумит высокий дуб, на нём каменный сундук, а достать его трудно. Вдруг, откуда ни взялся, прибежал медведь и вывор-

тил дуб с корнем. Сундук упал и разбился. Из сундука выскочил заяц – и наутёк во всю прыть. А за ним другой заяц гонится, нагнал и в клочки разорвал. А из зайца вылетела утка, поднялась высоко, под самое небо. Глядь, на неё селезень кинулся, как ударит её – утка яйцо выронила, упало яйцо в синее море...

Тут Иван-царевич залился горькими слезами – где же в море яйцо найти! Вдруг подплывает к берегу щука и держит яйцо в зубах. Иван-царевич разбил яйцо, достал иголку и давай у неё конец ломать. Он ломает, а Кощей Бессмертный бьётся, мечется. Сколько ни бился, ни метался Кощей, сломал Иван-царевич у иглы конец, пришлось Кощею помереть.

Иван-царевич пошёл в Кошечьи палаты белокаменные. Выбежала к нему Василиса Премудрая, поцеловала его в сахарные уста. Иван-царевич с Василисой Премудрой воротились домой и жили долго и счастливо до глубокой старости.

Белая уточка

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел ещё на неё наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел её послушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть.

Много плакала княгиня, много князь её уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала всё исполнить.

Князь уехал; она заперлась в своём покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщина, казалось – такая простая, сердечная!

– Что, – говорит, – ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала.

Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, – и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода.

– Что, – говорит женщина, – день такой жаркий, солнце палит, а водица студёная так и плещет, не искупаться ли нам здесь?

– Нет, нет, не хочу! – а там подумала: ведь искупаться не беда!

Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщина ударила её по спине:

– Плыви ты, – говорит, – белою уточкой!

И поплыла княгиня белой уточкой.

Ведьма тотчас нарядилась в её платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя.

Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал её.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек: двух хороших, а третьего – заморышка; и деточки её вышли – ребяточки.

Она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики собирать, кафтаники шивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок.

– Ох, не ходите туда, дети! – говорила мать.

Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра побегают по муравке, дальше, дальше – и забрались на княжий двор.

Ведьма чутьём их узнала, зубами заскрипела. Вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи.

Легли два братца и заснули; а заморышка, чтоб не застудить, приказала им мать в пазушке носить, – заморышек-то и не спит, всё слышит, всё видит.

Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает:

– Спите вы, детки, иль нет?

Заморышек отвечает:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

– Не спят!

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь:

– Спите, детки, или нет?

Заморышек опять говорит то же:

– Мы спим – не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!

«Что же это всё один голос?» – подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном. Тотчас обвела их мёртвой рукой – и они померли.

Поутру белая уточка зовёт деток; детки нейдут. Зачуяло её сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор.

На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас выхаживала,
Я слезой вас выпаивала,
Тёмну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

– Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает.

– Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!

Её прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила вас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколотная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родного – моего мужа,
Потопила нас в быстрой реченьке,
Обратила нас в белых уток,
А сама живёт – величается!

«Эге!» – подумал князь и закричал:

– Поймайте мне белую уточку!

Бросились все, а белая уточка летает и никому не даётся; выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он её за крылышко и говорит:

– Стань белая берёза у меня позади, а красная девица впереди!

Белая берёза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню.

Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой – говорящей.

Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою – они встрепенулись, сбрызнули говорящею – они заговорили.

И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добра наживать, худо забывать.

А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога – там стала кочерга; где рука – там грабли; где голова – там куст да колода. Налетели птицы – мясо поклевали, поднялись ветры – кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

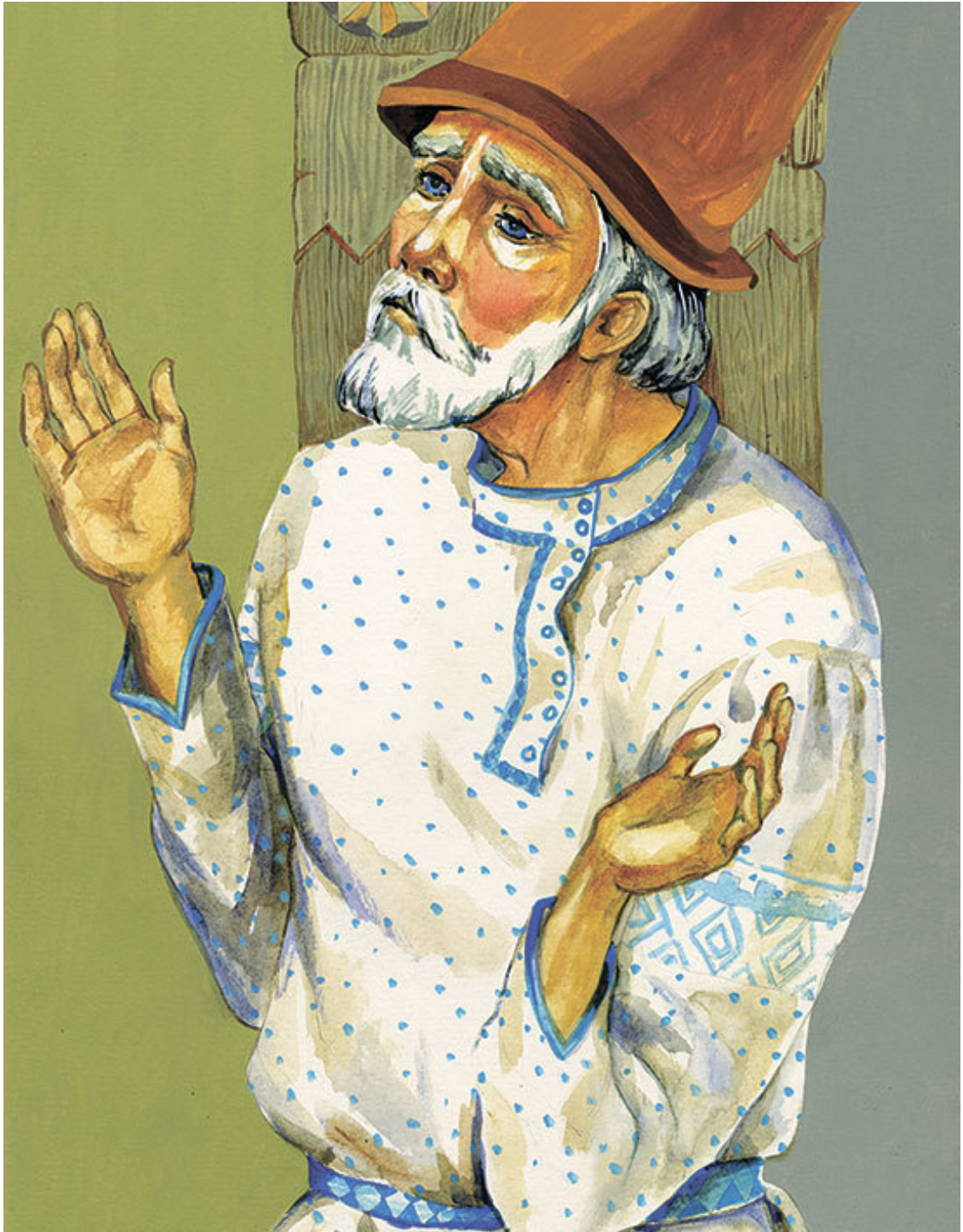

Солнце, месяц и Ворон Воронович

Жили-были старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошёл в амбар крупку брать; взял крупку, понёс домой, а на мешке-то была дырка: крупа-то в неё сыплется да сыплется. Пришёл домой. Старуха спрашивает:

– Где крупка?

А крупка вся высыпалась. Пошёл старик собирать и говорит:

– Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать, за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца – среднюю, а за Ворона Вороновича – младшую!

Стал старик собирать – Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать. Пришёл старик домой, сказал старшей дочери:

– Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило её.

Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь.

И меньшей дочери сказал:

– Оденься хорошенько да выйди на крылечко.

Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил её и унёс.

Старик и говорит:

– Идти разве в гости к зятю?

Пошёл к Солнышку; вот и пришёл. Солнышко говорит:

– Чем тебя потчевать?

– Я ничего не хочу.

Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковородку – и оладьи сжарились. Накормили старика.

Пришёл старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковородку с оладьями.

– Чего, на тебе испекутся?! – говорит старуха.

– Ничего, – говорит, – ставь, испекутся.

Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли.

Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклись оладьи, наелся старик.

На другой день старик пошёл в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришёл. Месяц говорит:

– Чем тебя потчевать?

– Я, – отвечает старик, – ничего не хочу.

Месяц затопил про него баню. Старик говорит:

– Темно в бане-то будет!

А Месяц ему:

– Нет, светло, ступай.

Пошёл старик в баню, а Месяц запихал палец свой в дырочку, и оттого в бане светло-светло стало.

Выпарился старик, пришёл домой и велит старухе топить баню ночью. Старуха истопила; он и посылает её туда париться. Старуха говорит:

– Темно париться-то!

– Ступай, светло будет.

Пошла старуха, а старик видел, как светил ему Месяц, и сам туда ж – взял прорубил дыру в бане и запихал в неё свой палец. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему:

– Темно!

Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнём и выпарилась.

На третий день старик пошёл к Ворону Вороновичу. Пришёл.

– Чем тебя потчевать-то? – спрашивает Ворон Воронович.

– Я, – говорит старик, – ничего не хочу.

– Ну, пойдём хоть спать на седала⁵.

Поставили лестницу, старик залез на седало. Ворон Воронович посадил его под крыло.

Как стал старик засыпать, не удержался, упал и убился.

⁵ Седало – насест, жердь, на которой ночует домашняя птица.

Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что

В некотором государстве жил-был царь, холост – не женат. Был у него на службе стрелок по имени Андрей. Пошёл раз Андрей-стрелок на охоту. Ходил, ходил целый день по лесу – не посчастливилось, не мог на дичь напасть. Время было к вечеру, идёт он обратно – кружится. Видит – сидит на дереве горлица.

«Дай, – думает, – стрельну хоть эту». Стрельнул и ранил её – свалилась горлица с дерева на сырую землю. Поднял её Андрей, хотел свернуть ей голову, положить в сумку.

А горлица говорит ему человеческим голосом:

– Не губи меня, Андрей-стрелок, не руби моей головы, возьми меня живую, принеси домой, посади на окошко. Да смотри, как найдёт на меня дремота – в ту пору бей меня правой рукой наотмашь: добудешь себе великое счастье.

Удивился Андрей-стрелок: что такое? С виду совсем птица, а говорит человеческим голосом. Принёс он горлицу домой, посадил на окошечко, а сам стоит дожидается.

Прошло немного времени, горлица положила головку под крылышко и задремала. Андрей вспомнил, что она ему наказывала, ударил её правой рукой наотмашь. Упала горлица наземь и обернулась девицей, Марьей-царевной, да такой прекрасной, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать.

Говорит Марья-царевна стрелку:

– Сумел меня взять, умеи и удержать – неспешным пирком да за свадебку. Буду тебе честной да весёлой женой.

На том они и поладили. Женился Андрей-стрелок на Марье-царевне и живёт с молодой женой, потешается. А службы не забывает: каждое утро ни свет ни заря идёт в лес, настреляет дичи и несёт на царскую кухню.

Пожили они так недолго, Марья-царевна говорит:

– Бедно живёшь ты, Андрей!

– Да, как сама видишь.

– Добудь-ка рублей сотню, купи на эти деньги разного шёлку, я всё дело поправлю.

Послушался Андрей, пошёл к товарищам, у кого рубль, у кого два занял, накупил разного шёлку и принёс жене. Марья-царевна взяла шёлк и говорит:

– Ложись спать, утро вечера мудренее.

Андрей лёг спать, а Марья-царевна села ткать. Всю ночь ткала и выткала ковёр, какого в целом свете не видывали: на нём всё царство расписано, с городами и деревнями, с лесами и нивами, и птицы в небе, и звери на горах, и рыбы в морях; кругом луна и солнце ходят... Наутро Марья-царевна отдаёт ковёр мужу:

– Понеси на гостиный двор, продай купцам, да смотри – своей цены не запрашивай, а что дадут, то и бери.

Андрей взял ковёр, повесил на руку и пошёл по гостиным рядам.

Подбегает к нему один купец:

– Послушай, почтенный, сколько спрашиваешь?

– Ты торговый человек, ты и цену давай.

Вот купец думал, думал – не может оценить ковра. Подскочил другой, за ним – ещё. Собралась купцов толпа великая, смотрят на ковёр, дивуются, а оценить не могут.

В то время проезжал мимо рядов царский советник, и захотелось ему узнать, про что толкует купечество. Вышел из кареты, насили пропихался через великую толпу и спрашивает:

– Здравствуйте, купцы, заморские гости! О чём речь у вас?

– Так и так, ковра оценить не можем.

Царский советник посмотрел на ковёр и сам дался диву:

– Скажи, стрелок, скажи по правде истинной: откуда добыл такой славный ковёр?

– Так и так, моя жена вышила.

– Сколько же тебе дать за него?

– А я и сам не знаю. Жена наказала не торговаться: сколько дадут, то и наше.

– Ну, вот тебе, стрелок, десять тысяч.

Андрей взял деньги, отдал ковёр и пошёл домой.

А царский советник поехал к царю и показывает ему ковёр.

Царь взглянул – на ковре всё его царство как на ладони. Он так и ахнул:

– Ну, что хочешь, а ковра я тебе не отдам!

Вынул царь двадцать тысяч рублей и отдаёт советнику из рук в руки. Советник деньги взял и думает: «Ничего, я себе другой, ещё лучше, закажу».

Сел опять в карету и поскакал в слободу. Разыскал избушку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворяет ему. Царский советник одну ногу через порог занёс, а другую не переносит, замолчал и про своё дело забыл: стоит перед ним такая красавица, век бы глаз от неё не отвёл; всё бы смотрел да смотрел.

Марья-царевна ждала, ждала ответа да повернула царского советника за плечи и дверь закрыла. Насилу он опомнился, нехотя поплёлся домой. И с той поры и ест – не заест и пьёт – не запьёт: всё ему представляется стрелкова жена.

Заметил это царь и стал выпрашивать, что за кручина у него такая.

Советник говорит царю:

– Ах, видел я у одного стрелка жену, всё о ней думаю! И не запить это, не заесть, никаким зельем не заморозить.

Пришла царю охота самому посмотреть стрелкову жену. Оделся он в простое платье, поехал в слободу, нашёл избёнку, где живёт Андрей-стрелок, и стучится в дверь. Марья-царевна отворила ему. Царь одну ногу через порог занёс, другую и не может, совсем онемел: стоит перед ним несказанная красота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.